

**ДЕНОТАТИВНАЯ ОСНОВА ОКСЮМОРОНА В АСПЕКТЕ ПЛАНА
ВЫРАЖЕНИЯ**

Аюпова Гулойим Бахтиёржон кизи,
докторант Андижанского государственного института
иностранных языков e-mail: ayupovaguloyim.96@gmail.com

Аннотация. В данной работе рассматривается феномен оксюморона как одной из разновидностей языковых аномалий, служащих средством реализации креативного потенциала языка. Оксюморон характеризуется противоречивостью и сочетанием антонимических слов, что придаёт тексту особую выразительность. Исследование включает анализ природы аномалий в стилистической функции языка, а также их роль в литературной речи. Автор подчеркивает, что, несмотря на кажущуюся противоестественность, оксюмороны легко воспринимаются и функционируют в языке, обеспечивая четкую и эффективную передачу идей. Приведены примеры из литературы, подтверждающие, что языковые аномалии могут быть адекватно приняты как норма в литературном контексте.

Ключевые слова: оксюморон, языковая аномалия, креативный потенциал языка, стилистическая функция, семантическая аномалия, узуальная и окказиональная лексика.

Прежде чем как затронуть денотативную основу оксюморона, нам предстоит выявить сущность природы феномена аномалии в стилистической функции языка. Считаем важным подчеркнуть, что языковая аномалия в большей степени может служить как средство реализации креативного потенциала лингвостилистических средств. Как отмечает Л. Козлова, аномалией может называться языковое явление, которое в той или иной степени противоречит языковой деятельности (2). Как ни странно, среди исследователей также наблюдается мнение о том, что синонимия и схожие на неё явления также относятся к аномалии. Эти утверждения, конечно же, были актуальны во времена античности, где аномалия противопоставлялась аналогии. В настоящее время понятие этого языкового явления весьма отличается от античного (2).

Прежде всего, нужно отметить, что это логическое отклонение от нормы требует сама природа языка. Несмотря на тот факт, что язык стремится к относительной неизменности, он остаётся живым и подвергается изменениям. Это же самое свойство языка является причиной создания семантических аномалий, одной из которых является красочный оксюморон. Благодаря своей «антиестественности» исследователи отмечают его принадлежность к каламбурам и игре слов (3). Конечно же, такие фигуры речи, как метафора, метонимия и т.д. могут выступать аномалиями по отношению к их прямому значению (денотатом), но вполне обычны и приняты в речи как норма. Если ненормальное может приниматься как нормальное, то можно утверждать, что аномалия может быть адекватностью и в литературной речи: – *Давно мы с вами не видались!... с тех пор много воды утекло! – Да, князь! Правда, что много воды утекло! Даже Дунай уплыл от нас! – отвечал Ермолов.* (Михаил Погодин: Генерал Ермолов. Сражения и победы легендарного солдата империи, героя Эйлау и Бородина, 281) В данном примере функциональная нагрузка доминирует над эстетической интерпретацией.

Л.В. Щерба также упоминал о связи между соответствием системным закономерностям, которая называется нормой, и отступлениями от неё: «Авторов, вовсе не отступающих от нормы, не существует – они были бы невыносимо скучны. Только когда чувство нормы воспитано у человека, тогда он начинает чувствовать»

всю прелесть обоснованных отступлений от нее у разных хороших писателей» (6). Аномалия широко используется в литературных произведениях и выступает как лингвокреативная деятельность писателя, которая создается, основываясь на динамический потенциал системы языка (2). Стилистические фигуры – это средства, обеспечивающие четкую и эффективную передачу идеи до адресата, а также считающиеся продуктом творческого подхода и воображения авторов. Как мы отмечали в ходе исследования, устойчивые словосочетания и паремии автоматически используются для стереотипной действительности, а окказиональные единицы авторского типа, которые отображают логическую девиацию, при этом принимаются как языковая норма и указывают на творческую языковую компетентность говорящего или пишущего.

По Б.Т. Ганееву, аналогия не что иное, как принятое народом лингвистическое явление. «В природе нет норм, поскольку основания для сопоставления нормального и аномального определяются людьми. Живой труп в природе невозможен, но возможен оксюморон *живой труп*, ставший вполне нормативным в современном речевом употреблении, где переносное значение достаточно узуально (очень больной человек, человек, который очень плохо выглядит, живой, которого все считали мёртвым)» (1). Так же, как и в английском языке, оксюмороны принимаются народом без никаких логических и лингвистических препятствий. К примеру, *awfully beautiful*. Соединение двух антонимических слов позволяет читателю понять, что говорится об очень красивом человеке. Действительно, любые речевые явления так же, как и аномалия, производятся людьми и, следовательно, нам решать, что называть аномалиями и нормами. Многие языковые явления были сначала окказиями, затем начали приниматься народом и стали обыденными, что и даёт нам право называть их «узуальными».

Несмотря на явное противоречие, оксюморон можно отнести к условной аномалии. Так как он семантически является полностью противоположным, но в тексте легко принимается и даже сравнивается с фразеологизмами (страшно красив, неординарно простой и т.д.) (7).

Оксюморон лишь кажется ярким примером аномалии и не является ею на самом деле, так как эта языковая единица легко функционирует и не препятствует коммуникации. Интересно, что оксюморон считается порождением живой речи не одного человека, а целого народа. Следовательно, он рассматривается в качестве не только семантической аномалии, но и лингвистического факта, освоенного носителями языка (4).

Что же это за явление - оксюморон? Возможно, это приём, созданный писателями и поэтами, или обычная игра слов, создающая бессмыслицу, или же всё-таки языковая единица, легко функционирующая в речи.

Факт, что оксюморон - это продукт народа, даёт нам право определять его не как обычное неординарное сочетание слов, а как анализему, использующуюся для того, чтобы описать сложные и противоречивые явления в жизни.

К.И. Чуковский, который знаменит среди читателей детской литературы, в одной из своих работ «От двух до пяти» обнаруживает, что ребёнок в какой-то степени перенимает народное языковое мышление (5). Это наблюдается на всех уровнях языка; в морфологии, фонетике, и самое интересное проявление - в лексике. Также можно встретить интересные детские словосочетания, используемые для достижения комического эффекта в стихках-перевёртышках, в которых описывается неординарный и далёкий от реальности фантастический мир.

*Слепой подглядывает,
Глухой подслушивает,*

Безногий вдогон побежал,

Немой караул закричал. (А. Соболевский. Великорусские народные песни, 210)

Другие народы также известны своими «нелепицами», которые созданы разными представителями народов. Пример из английского фольклора:

If a gentleman, sir, was a lady, -

The world would be Upside-down!

If any or all of these wonders

Should ever come about,

I should not consider them blunders,

For I should be Inside-out!

Такие стишки-перевертыши создаются путём называния одного предмета другим, навязывая семантику первого:

If the pony rode his master,

If the buttercups ate the cows,

If the cats had the dire disaster

To be worried, sir, by the mouse; (W. Rands. В. Topsy-Turvy World.)

В этих песенках мир представлен полностью перевернутым и абсурдным. Причины, почему наши предки представляли мир в таком виде, неизвестны и в тоже время интересны. Возможно, они с помощью этих стишков-перевертышей задавались вопросом, почему А-А, Б-Б и почему нельзя наоборот. Или даже тем самым они хотели перебороть страх, трудности и беды.

Немало вероятно, что за этими чудаковатыми нелепицами стоит попытка познания мира и его возможностей представителями тех народов. Что представляет собой этот мир? Что люди могут делать в этом мире? Очевидно, что дети и древние люди на начальном этапе своего развития понимали невозможность существования такого абсурдного мира.

Оксюморон позаимствовал одну из характеристик перевертышей - функцию видеть окружающий мир в иных гранях. Можно даже сказать, что оксюморон - это усовершенствованный вид перевертышей. Под описываемым существует реальный и гипотетический денотат. Это явление - результат углублённого мышления. То, что оксюморон определяет и обозначает денотат таким нестандартным образом, не совпадение, а стишки-перевертыши - живое доказательство того, что подобный подход наименования наличествует у нас в корнях и никак не препятствует народному сознанию.

Итак, любая аномалия языка является продуктом лингвокреативной деятельности языка. Однако оксюморон можно отнести к условной аномалии, так как, несмотря на явный признак аномалии, он может легко функционировать в коммуникации.

Список использованной литературы

1. Ганеев Б.Т. Ортофрония и аллофрония в языке и речи // Филологические науки. – 2004. – № 3. – С. 57-66.
2. Козлова Л.Я. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте // Вестник ИГЛУ. – 2012. – №2s (18). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-anomaliikak-sredstvo-reekste> (Дата обращения: 11.11.2023).
3. Козлова Л.А. Фактор аналогии и его роль в лингвокреативной деятельности языковой личности // Алтайский государственный педагогический университет. – Барнаул, 2018. – С. 28-33.

4. Курегян Г.Г. Традиции и новации в лингвопрагматическом осмыслении оксюморона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. – 2006. – №12. – С. 144-150.
5. Чуковский К.И. От двух до пяти // К.И. Чуковский Соч. в 2. -М,;Правда,1990.- С.73-402.
6. Щерба Л.В. Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. – 1939. – №1. – С. 10-21.
7. Яшина Е.А. Оксюморон как средство создания алогизма в художественном тексте // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12, №5(3). – С. 826-831.